

Ю.М. РЕЗНИК

В.Ж. КЕЛЛЕ: НАБРОСКИ К НЕЗАВЕРШЕННОМУ ПОРТРЕТУ

Вот и не стало с нами Владислава Жановича Келле. О нем можно говорить многое. Однако, как и любая яркая личность, он не укладывается в стереотипные формулировки. И выражения, бывшие для нас привычными не в столь отдаленные времена, как, например, «его простота и человечность», к нему не совсем подходят и не только потому, что напоминают нам прежние высказывания о классиках марксизма-ленинизма. А прежде всего потому, что в них чувствуется фальшь дежурной фразы.

Владислав Жанович достоин другого — более весомого и глубокого к себе отношения. Он был и остается в нашей памяти незаурядным и творческим человеком. И глагол «был» никак не укладывается в представления о нем. Поэтому мне трудно описать портрет человека, с которым я только недавно общался. Он так и останется незавершенным. И все же я бы хотел остановиться на некоторых моментах личностного измерения В.Ж. Келле, которые достаточно выпукло представлены в двух наших с ним интервью, особенно на моментах, оставшихся, что называется, «за кадром».

Ведь далеко не все можно сказать, да и не нужно говорить, в жанре интервью. Первое интервью состоялось у нас осенью 2001 г. в Институте человека РАН, в ком. 216, второе — спустя восемь лет, 17 июля 2009 г. (см. материалы первого интервью: Личность. Культура. Общество. 2002. Вып. 1-2; материалы второго интервью помещены в данном выпуске). По ряду причин, главной из которых был приближающийся юбилей Владислава Жановича, к которому мы готовили подборку материалов, я не успел опубликовать последнее интервью раньше. Фотографии, помещенные в данном очерке, были взяты мной из личного фотоархива (см. приложение).

Приступая к изложению своих наблюдений, я оставляю за скобками размышления Владислава Жановича (далее позволю себе писать В.Ж.) о судьбе страны и науки. Читатели сами могут познакомиться с его мыслями, высказанными в двух интервью и многочисленных публикациях. Не буду касаться также биографических деталей жизненного пути В.Ж. Они известны многим заинтересованным читателям. Начну с главного — с размышлений об основных этапах его профессионального и жизненного пути, а также о стиле и философии жизни этого человека, который занял достойное место в истории российской философии и науки.

Этапы большого пути

Как известно, после окончания МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирантуры и деятельности на преподавательском поприще В.Ж. переходит в 1962 г. на работу в Институт философии АН СССР. С этого момента вся его дальнейшая научная жизнь будет связана с Академией наук.

Систематизировать философское и научное творчество В.Ж. на отдельные периоды мне так и не удалось, хотя я попытался в первом интервью выделить три относительно самостоятельные линии научного пути В.Ж. И, как оказалось, это совпало отчасти с его собственными взглядами: «Действительно, мне неоднократно приходилось круто менять тематику работы, но она в основном укладывается в три главные области моих научных интересов: исторический материализм (социальная философия), социология науки и философия культуры» (материалы интервью; июль 2009 г.).

Первая, собственно социально-философская линия, продолжается, по крайней мере, если судить по крупным работам В.Ж., где-то с конца 1950-х гг. и до начала 1980-х (по данному направлению вершиной его философского творчества стала, с моей точки зрения, «Теория и история», написанная совместно с М.Я. Ковальзоном; но здесь я могу быть субъективным). С 1965 до 1975 г. он возглавляет сектор, а затем отдел исторического материализма. В этот период В.Ж. интересуют, прежде всего, теоретические проблемы исторического процесса, в решение которых он привносит новое содержание, в т.ч. обосновывает деление познавательного и идеологического аспектов общественного сознания, а также предлагает идею трех аспектов истории (развитие общества как естественно-исторический процесс, развитие общества как результат деятельности людей, индивидуальное развитие людей).

Вторая ветвь научного творчества В.Ж., условно говоря, социологическая, представлена его многолетними исследованиями в области социологии науки и участием в организации Советской социологической ассоциации. Поначалу, после вынужденного ухода из Института философии, социология науки была для В.Ж. «резервной площадкой». Но затем он всерьез увлекся ее проблематикой. Появились научные публикации, среди которых мне запомнилась монография «Наука как компонент социальной системы», изданная под его редакцией (1988 г.).

Третья ветвь наметилась в середине 1980-х — 1990-е гг., а возможно, и значительно раньше, поскольку В.Ж. никогда не бросал незавершенных проектов. Речь идет о его увлечении исследованием проблем личности, культуры и цивилизации. В работах этого периода усиливается интерес к проблематике культуры, которая стала предметом его исследований еще в 1960-е гг. (а в 1984 г. вышла под его редакцией коллективная монография «Проблемы философии культуры», ставшая во многих отношениях рубежной). Вот что сам В.Ж. думает об этом времени: «В 1990-е гг. главным для меня был вопрос об осмыслении того, что произошло в стране и со страной. Особо меня интересовала судьба российской науки... Я начал заниматься проблемами инновационного развития. В 1995 г. была опубликована моя первая статья на эту тему. Тогда же я перешел в Институт человека РАН, где продолжал исследования в области философии культуры. В 1999 г. увидела свет подготовленная нами коллективная монография “Цивилизация, культура, личность”... Новое столетие ознаменовалось для меня началом систематической разработки проблем разграничения и соотношения духовной и интеллектуальной ветвей культуры. В 2005 г. в “Вопросах философии” опубликована моя статья на эту тему, которую можно считать программ-

ной. Так что во все прожитые мной времена, трудные они были или благоприятные, работа шла, соответственно, с большей или меньшей отдачей» (июль 2009 г.).

Если выделить методологическую составляющую всех этапов научной биографии В.Ж., то он принадлежал скорее всего к представителям деятельностного подхода в отечественной философии и социологии. При этом он успешно освоил и развивал междисциплинарные исследования общества и культуры. Кстати, с моими наблюдениями о междисциплинарном характере его исследований согласился и сам В.Ж., добавив: «Я работал не только в области социальной философии... Сейчас я занимаюсь проблемами цивилизации, культуры, личности, а это одновременно и социальная философия, и философия культуры, и культурология и т.д.» (октябрь 2003 г.).

Перечисляя разные исторические эпохи, в которых ему приходилось жить и работать («сталинский период», «хрущевская оттепель», «брежневская эпоха» и пр.), В.Ж. особо выделял «оттепель». Вот его слова: «Для меня это было весьма продуктивное время. В эти годы началось наше творческое содружество с М.Я. Ковальзоном, длившееся почти 30 лет. Вышли наши первые книги. Мы с Ковальзоном защитили докторские диссертации. Я вошел в состав редколлегии “Вопросов философии”, стал сотрудником Института философии и возглавил сектор исторического материализма. В период “оттепели” мы много публиковались» (июль 2009 г.).

Надо отметить, что, несмотря на свои теплые воспоминания о 1960-х гг., В.Ж. никогда не считал себя «шестидесятником». Он избежал соблазна «похода во власть» многих из тех, кто причислял себя к идеологии этого поколения и до сих пор пребывает в либерально-демократической эйфории того времени. В.Ж. меняется, но не подстраивается под политическую конъюнктуру, связанную с очередной сменой политического режима. Он остается верен себе и своему мировоззрению, принципы которого сложились еще в молодые годы. И эти принципы легли в основу его стиля жизни.

Каким он был. Стиль В.Ж. Келле

Пожалуй, лучше других оценил свой жизненный стиль сам В.Ж.: «Мой стиль поведения складывался стихийно, под влиянием семьи, школы, улицы, особенностей моего характера и жизненного пути. Так что все достоинства и недостатки мне органичны и не являются продуктом систематического целенаправленного воспитания. А над своей манерой поведения я не задумывался. Мне импонирует *естественность поведения* (выделено мной. — Ю.Р.). Чем меньше масок человек надевает на себя, тем лучше» (июль 2009 г.). Естественность, а не нарочитая простота и искусственная натянутость в отношениях, — вот что отличает в первую очередь стиль В.Ж. Он не любил надевать на себя маски даже тогда, когда этого требовали обстоятельства, предпочитая выстраивать свои отношения с людьми на неформальной основе.

Возможно, не все знают, что В.Ж. был круглым отличником и в школе, и в университете, куда он восстановился по окончании Великой Отечественной войны. Серьезно относиться к делу, которым занимаешься, дотошно вникать во все детали — одна из черт его стиля жизни. Он так и остался отличником до конца своих дней. Мы знали его по совместной работе как всегда собранного, серьезного и очень добросовестного человека, знающего цену своему слову и неукоснительно выполняющего свои обещания.

Следующая личностная черта — склонность к самостоятельному, *критическому мышлению* и независимость позиции, которую он сформировал еще в студенческие

годы и сохранил навсегда. В то же время В.Ж. были свойственны чувство самодисциплины и приверженность порядку в общем деле, который он понимал не как свод навязанных «сверху» незыблемых правил, а как результат конвенционального решения самих участников совместной деятельности. Он не терпел несправедливости и нарушения установленного порядка. В этой связи мне вспоминается один эпизод. На одной из конференций, где присутствовал В.Ж., кто-то из участников стал откровенно надсмехаться над ее организатором (руководителем оргкомитета). В.Ж. не выдержал и сказал: «Мы все знаем этого человека как прекрасного организатора, и благодаря ему мы здесь имеем возможность окунуться в творческую атмосферу и насладиться общением. Ваши слова оскорбляют не только его, но и всех нас. Прошу вас впредь выбирать слова и проявлять сдержанность в эмоциях». После такого заявления «обидчик» вышел из аудитории, а все остальные продолжили работу.

С личностью В.Ж. я связываю еще один редкий дар. Я никогда не встречал в своей жизни человека, у которого требовательность к себе и к людям так органично сливалась бы с нравственным чутьем и добротой, проявления которой чувствовали буквально все, кто соприкасался с В.Ж. в повседневных делах. И это была *требовательная доброта*, и многие, кто знал В.Ж., в его присутствии подтягивались, становились лучше. При этом В.Ж. никогда не повышал голос и никого не отчитывал менторским тоном за проступки. Ему было достаточно посмотреть на «виновника» или ненавязчиво высказать свое мнение, чтобы усмирить его нрав. И это тоже штрихи к неповторимому стилю В.Ж., который выделял его из окружения и превращал поневоле в «третейского судью». В трудные моменты совместной жизни коллеги, работавшие с ним, не сговариваясь, поворачивали голову в его сторону. Все как будто ждали: а что скажет В.Ж.? И он, предпочитая обычно не выпячивать свою фигуру, находил всегда нужные слова и нравственно взвешенные решения.

Еще задолго до того времени, когда стало модно говорить и писать о диалоге, В.Ж. практикой своей жизни и деятельности утвердил особый стиль общения со своими коллегами и учениками. «Я бы, — говорил он о сотрудничестве с Ковальзон, — определил стиль нашей совместной работы как диалоговый режим» (октябрь 2001 г.). Лично для меня, испытавшего неоднократно этот «режим» на себе, это всегда было загадкой феномена В.Ж. Возможно, еще и потому, что мне редко удается поддерживать такой режим в отношениях с людьми. А у В.Ж. это получалось, опять же естественно.

Когда мне приходится объяснять кому-то, чем же отличается один человек от другого по своим культурным установкам, то я всегда привожу пример увлечения определенным видом музыки как основание для постижения стиля жизни. Как и в музыке, человек может придерживаться «классики» (стиль модерна) или джазовых импровизаций (стиль постмодерна). Поэтому для одних людей приоритетной является поп-культура, а для других — тонкая и изысканная классика, для третьих — тяжелый рок и т.д. Были свои музыкальные предпочтения и у В.Ж.

В связи с этим мне вспоминается один случай, который нашел свое отражение в первом интервью. Осенью 2001 г. мы с В.Ж., спокойно попивая чай, говорили о его музыкальных пристрастиях. Отвечая на один из моих излюбленных вопросов, он неожиданно меня удивил: «И сейчас я люблю слушать разную музыку — классику, джаз и пр... Лундстрема я слушал еще до войны, когда джаз только входил в музыкальную культуру нашей страны. Бывал на концертах Цфасмана, Бени Гудмена. Да,

я люблю джаз, но не считаю себя знатоком джаза» (июнь 2001 г.). Но любить джаз — это значит еще и выбирать определенный жизненный стиль.

Я никогда не мог подумать, что этот сдержанный и в общем-то скупой на откровения человек, взвешивающий каждое свое слово, подобно драгоценностям, мог вот так запросто увлечься свободным искусством джаза, требующего от слушателей столь же свободного воображения, как и склонности к импровизации. Проецируя на личность человека, он предполагает свободную манеру общения, раскрепощенность мышления и непредвзятое отношение к людям. В моем понимании это совершенно другой стиль жизни, чем, скажем, рок или этномузыка. Его разделяют немногие и главным образом те, кто не очень озабочен соблюдением условностей и деланием карьеры, и те, кому присуще «внутреннее» ощущение свободы во всех жизненных ситуациях. И в мою копилку опыта постижения тайн человеческой души ложится еще одна важная деталь: нельзя судить о людях, их стиле жизни только по тому, как они себя позиционируют в общении. Все оказывается, как всегда, гораздо сложнее и глубже.

У каждого человека имеются свои секреты творческого успеха. Наверняка, они были и у В.Ж. И раскрыть их можно только тогда, когда удастся заглянуть в суть сделанного человеком. А сделано В.Ж. немало. Он создал труды, на которые ссылалось не одно поколение исследователей. Ему удалось сформировать не один научный коллектив, объединив его вокруг собственных идей. И все это стало возможным благодаря терпеливому отношению к людям. Но за этим стояла требовательность и принципиальность В.Ж. «Мне удалось тогда собрать коллектив, — писал он о своей работе в Институте истории естествознания и техники, — потому что я считал нужным проявлять к людям терпимость, если человек не переходил какой-то грани» (октябрь 2001 г.).

И это стало возможным также благодаря еще одному ценному качеству, повлиявшему на его отношение к жизни, — удивительному *чувству сдержанности и меры*, которое позволяло ему в разных ситуациях быть на высоте положения. И это качество позволяло В.Ж. соединять свою скромность и одновременно способность *восхищаться талантами других*. «Я люблю талантливых людей» — цитата из интервью В.Ж., которую вполне можно считать главным девизом его жизни. Ни это ли было секретом, который он никогда не скрывал, но который так сложно воспринимается людьми, сосредоточенным на самих себе? Ведь любить и восхищаться талантом другого может только человек, который сам по-настоящему талантлив. И таким, безусловно, был В.Ж.

Нельзя не отметить такую черту В.Ж., как сознательное предпочтение *человеческой стороны отношений*. «Отношения с родными, друзьями, коллегами, просто знакомыми я... строю на началах взаимности. Я ценю эти отношения, и стараюсь их поддерживать. Давным-давно, прочитав “Три товарища” Ремарка, я принял для себя принцип, что человеческие отношения — это самое главное в моей жизни. И этого принципа я придерживаюсь и сейчас» (июль 2009 г.).

Итак, слагаемые стиля В.Ж. — естественность поведения, серьезное отношение к делам и людям, критическое мышление и независимость во взглядах при соблюдении конвенционально установленного порядка в общем деле, требовательная доброта и свободная активность, проявляющаяся в выборе определенных жанров в музыке и искусстве, стремление работать с талантливыми людьми и отдавать предпо-

чтение человеческой стороне отношений с другими, а также многое, многое другое. Все это свидетельствует об особом отношении В.Ж. к жизни и людям.

Чтобы у читателей не сложилось мнение, что я идеализирую образ В.Ж., чрезмерно наделяя его позитивными чертами, отмечу одну особенность в его характере, которая мне поначалу не очень понравилась. Возможно, в этом проявилась моя субъективность, желание приписать человеку то, что ему на самом деле несвойственно. Так, меня смущало временами его слишком «философское» отношение к людям, которые вели себя непорядочно, или толерантное отношение к начальству, превышавшему зачастую свои полномочия. Тогда мне казалось, что это примиренчество. И его можно было оправдать лишь тем, что за спиной В.Ж. был опыт выживания в сталинскую эпоху с ее всеобщей подозрительностью, доносами, арестами, ссылками и т.п. И это, как мне думалось, не могло не сказаться на политической осторожности В.Ж., пережившего эту страшную эпоху.

Теперь же, спустя много лет, я начинаю думать, что так до конца и не понял его намерений. Тем более что сам В.Ж. во втором интервью подтверждает эту догадку. «Что касается идейных разногласий с режимом, то они, конечно, были. Я не буду перечислять все то, что мне не нравилось в нашем общественном бытии, ибо это заняло бы слишком много места. Для меня критический подход к реальности был, помимо всего прочего, элементом профессии, ведь критическое мышление присуще философии с античных времен. Однако против советской власти я никогда не выступал. Заложенное в ее идеях социалистическое начало является разумным, справедливым и гуманным... Конечно, в оценке конкретной социальной действительности и советской власти в целом многое пришлось переосмыслить, но основные идейные позиции я старался сохранять; к изменениям политической конъюнктуры не приспосабливался; своих философских взглядов не менял» (июль 2009 г.).

В.Ж. всегда оставался самим собой, таким же сдержанным, толерантным, сохраняя свое видение ситуации и не выставляя напоказ свое критическое отношение к происходящему, которое трансформировалось у него со временем в стремление непрерывно изменяться самому. И в этом состоит, пожалуй, исходная предпосылка его философии жизни.

О философии в жизни

В.Ж. был философом по призванию и, как сейчас говорят, «философом по жизни». На его профессиональный выбор повлиял учитель по истории. Представьте себе, что еще в 1937–1938 гг., в самый разгар сталинских репрессий, молодой Келле читает Энгельса, Ленина, других мыслителей, мечтая поступить на философский факультет. И по окончании школы он исполняет свою мечту и поступает как обладатель золотой медали с первой попытки в знаменитый МИФЛИ.

Но был ли случаен его выбор? Свое решение связать свою жизнь с философией В.Ж. объясняет так: «Может быть, потому, что по складу моему я больше гуманитарий. А может быть, широта интересов, отсутствие увлеченности чем-то конкретным меня и подтолкнули к выбору философии» (октябрь 2001 г.). Его влекло стремление «проникнуть в сущность бытия», а не возможность получить систематические знания. Позже, после окончания войны, В.Ж. опять окупается в учебу, увлечется философией Гегеля, которая и станет главной сферой его интересов в аспирантуре философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Мне трудно даже представить себе, что первая научная монография В.Ж., подготовленная в соавторстве с М.Я. Ковальзоном, появилась в год моего рождения (1959). Уже тогда В.Ж. был зрелым ученым. Потом (1962) вышел их совместный учебник по историческому материализму, выдержавший несколько изданий. А дальше были новые книги по социальной философии, социологии науки и культурологии. Казалось бы, В.Ж. неисчерпаем и даже немного «всеяден». Но это не так. Свою любовь к философии он пронес на протяжении всей своей жизни.

Кстати, в интервью 2009 г. я задал ему вопрос о том, что значит для него мудрость. Я предложил ему некоторые критерии оценки мудрых людей: глубина познания, взвешенный подход к жизни и людям, умеренность во всем, скупость эмоциональных проявлений и т.д. Согласившись с этими признаками, он сказал: «Мудрость, я полагаю, есть органическое единство ума, знаний и большого жизненного опыта с высокими нравственными качествами и твердым характером человека. К Вашей характеристике мудрости следует добавить идею понимания и глубокого проникновения в мир другого. А это дается лишь с опытом» (июль 2009 г.). Пожалуй, лучше не скажешь. Все это было присуще в полной мере В.Ж. Он обладал гармонией ума и души, нравственными качествами и твердым характером. И ему же было свойственно глубокое проникновение в мир других людей.

Для В.Ж. как философа и ученого характерна в самой высокой степени молодость духа, что я связываю с непрекращающимся поиском истины, дерзновением, беспокойством и непрерывным движением к новым вершинам философского познания. Правда, к этому В.Ж. еще добавил, что «в пожилом возрасте не дает духу стареть сохранение интереса к жизни, к окружающим, увлеченность своей работой, а также умственная и физическая активность» (июль 2009 г.). Таким увлеченным и вместе с тем умеренным в своем образе жизни он мне и запомнился.

Об испытаниях

Как известно, жизнь — это череда испытаний, и от того, как человек их преодолевает, зависит не только его дальнейшая судьба, но и уважение окружающих. Надо сказать, что В.Ж. заслуживает самого глубокого уважения и восхищения как человек мужественный и стойкий.

Первое, самое тяжелое испытание, которое мужественно принял В.Ж., — это война. Практически с первых дней, едва успев окончить третий курс, он находится уже в боевом строю. Начиная свою службу В.Ж. рядовым разведроты, а закончил офицером десанта. Уже в сентябре 1941 г. он был ранен. Затем, после госпиталя, поступил в артиллерийское училище и по его окончании направлен в 1-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, которая только что была сформирована.

Я помню рассказы В.Ж. о десантниках. Им он остался верен до конца своих дней. Не буду пересказывать всех моментов военной биографии В.Ж. Скажу главное. Он прошел свой путь достойно, получил боевые награды, был дважды ранен и до конца сохранил верность своему долгу. И здесь, как и во всем, что касается его жизни, он был отличником, отличником боевой и политической работы. В июне 1944 г. В.Ж., будучи ограниченно не пригодным к службе, возвращается по приказу военного командования завершать учебу на философском факультете, который вошел к тому времени в состав МГУ им. М.В. Ломоносова. Так началась новая страница его жизни. Впереди были другие испытания.

Еще одно испытание, конечно, менее драматическое, чем война, В.Ж. выдержал после возвращения из Китая, где он преподавал несколько лет философию. Он, поступив на кафедру философии естественных факультетов МГУ, стал преподавать этот курс студентам-физикам. Учитывая уровень требований этих студентов, он смог не только переломить их настороженное и требовательное отношение к общественным наукам, но и завоевать их сердца. Участие в победоносной войне продолжилось еще одной личной победой В.Ж. — его посвящением в преподавательскую элиту МГУ.

Третье испытание В.Ж., если не считать испытания дружбой с Ковальзоном, которое он выдержал с честью (ведь далеко не каждый может себе позволить совмещать в лице одного человека достойного соавтора и настоящего друга, которого В.Ж., к сожалению, рано потерял), было связано с неудачно закончившейся карьерой в Институте философии, когда ему по идеологическим соображениям «философского начальства» пришлось покинуть пост заведующего отделом исторического материализма и перейти в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Это произошло в середине 1970-х гг., когда к руководству философией пришли реакционеры, стремившиеся любой ценой навязать единомыслие и утвердить господство идеологии. Как говорил В.Ж., такие люди были востребованы в то время самой системой.

С 1979 г. он возглавил в новом институте сектор социологии науки, с которым были связаны у него больше десяти лет. Надо сказать, что очередное испытание не сломило веры В.Ж. в правильность избранного пути. Окунувшись в новую для себя область исследований, он оказался на своем месте и заслужил признание коллег. Социология науки стала очередным этапом его научной биографии, который он, как и прежде, смог довести до уровня фундаментальных разработок.

После перехода в Институт человека РАН (1994 г.) начинается новый этап в научной судьбе В.Ж. И вместе с тем он сталкивается с очередным испытанием, которое связано в первую очередь со сменой научных интересов. Немногие из тех, кого я знаю, могут себе такое позволить. Тем более что В.Ж. сам отдает себе отчет в том, что его первая любовь — социальная философия — постепенно отошла на второй план. Но осознание другой эпохи и изменение научного статуса его не останавливают. Он находит в себе силы, чтобы продолжить свой путь в науке, по-прежнему считая себя современным ученым: «Мое время, как одного из авторов популярного когда-то учебника по историческому материализму, вероятно, прошло. Люди старшего и среднего поколений вспоминают наши с М.Я. Ковальзоном работы, по которым они учились, но молодому поколению они неизвестны. Сейчас, действительно, все другое. Но я сам тоже другой, и коллеги, с которыми я работаю, конечно, делают скидку на мой возраст, но вовсе не относят меня лишь к прошлому. Я занимаюсь современными проблемами философии и науки» (июль 2009 г.).

В 1990-е гг. В.Ж., как это часто бывает с талантливыми людьми, увлекается новой проблемной областью, где он, уже не будучи признанным авторитетом, должен выстраивать свою линию поведения заново. Он начинает сотрудничать с коллегами из Российского института культурологии. Говоря о своем месте в культурологии, он отмечал: «Для меня это нечто новое, а для окружающих я в этой области “прозелит”, вроде бы, совсем не традиционный культуролог. И в социальной философии мой голос уже не столь авторитетен. Все это следствие того, что была прервана естественная преемственность моих научных занятий, когда разогнали отдел исторического материализма и я перешел работать в совершенно другую область» (октябрь 2003 г.).

Меняются времена, уходят и приходят окружающие люди, а жизнь идет своим чередом. И именно этот нескончаемый поток жизни лучше всего понимал В.Ж., предпринимая очередные попытки штурмовать крепость нового и непознанного. И в большинстве случаев ему это удавалось.

Возможно, главным итогом жизни В.Ж. стали не его книги и даже не его ученики, а опыт преодоления испытаний, который он приобрел на протяжении своей долгой и продуктивной деятельности. По его скромному признанию, он не создал научной школы, чего так добиваются многие авторитетные ученые. Возможно, причиной тому стала вынужденная смена научных занятий. А может быть, этот человек, принижая в силу скромности свои заслуги, считал это слишком ответственным делом, которое по плечу лишь немногим. Ведь нельзя самому объявить о создании своей школы, даже если у тебя имеются на то основания. Как известно, признание школы приходит с успехами учеников и последователей, их обоснованным стремлением развивать основные идеи своего учителя (основателя научного направления).

Пройдя через тернии испытаний, В.Ж. не только не поступился жизненными принципами, но и ни разу не подвел своих коллег, сохранив с ними потенциал развития человеческих отношений.

О том, что дорого каждому

Наверное, В.Ж. повезло в жизни, хотя это слишком упрощенное мнение о таком человеке. За каждым подарком свыше стоит его цельная натура и крепкий характер. Да, ему Бог дал настоящих друзей, но ведь и он сделал многое, чтобы сохранить отношения с ними, несмотря на постигшие его трудности и испытания. С одними из них он вместе работал и писал труды, как, например, с Ковальзоном, с другими — шел по жизни, постоянно держа их в сфере своего внимания и проявляя к ним неподдельный интерес. Таков уж Келле. Он искренне привязывался к людям и был готов, не раздумывая, разделить с ними тяжелые невзгоды.

Я вспоминаю с огромной благодарностью его неизменную готовность участвовать в научной жизни редакции журнала, а также оказанную им бесценную поддержку лично мне и всему коллективу редколлегии. Достаточно привести лишь один эпизод, когда В.Ж., несмотря на болезнь, нашел в себе силы придти на юбилей журнала в Центральный дом журналиста (ноябрь 2009 г.). Он понимал, насколько важно для всех нас и, особенно для меня, его личное присутствие в такой знаменательный день. Все это не может не вызвать чувств восхищения и благодарности.

И только одного В.Ж. никогда не прощал людям — подлости и предательства. Вот его слова: «Подлость и предательство я не прощаю, фанатизм и ксенофобию не приемлю, подхалимов и хамов не терплю» (июль 2009 г.). Позволю себе разделить с ним данную позицию.

Второе, что хотелось бы отметить в жизни В.Ж., — это, конечно, его семья. Мне приходилось наблюдать, как крепко дети и внучка привязаны к нему. К несчастью, он пережил двоих своих сыновей, и горечь их утраты так и осталась печатью на его лице.

Я хорошо знаю его жену, Михайлову Ирину Борисовну, которая, будучи зрелым ученым, профессором университета, смогла создать теплую человеческую атмосферу в доме и воздать должное заслугам и опыту своего мужа, окружив его любовью и заботой. В беседах со мной В.Ж. не раз упоминал ее имя с признательностью и тро-

гательной нежностью. Я помню также, как каждый раз, перед уходом с работы он всегда звонил своей Ирине, предупреждая ее о своем возвращении.

В заключение хочу сказать, что с уходом из жизни Владислава Жановича у меня появилось ощущение, что нас стало меньше, меньше не в физическом плане, а в духовно-нравственном смысле. Он оказался как раз тем человеком, которому нет, и уже не будет, замены в нашем философском и научном сообществе. Но я очень надеюсь, что жизненный пример и человеческий вклад Владислава Жановича навсегда останутся для нас, ныне живущих, образцом высокого служения людям и науке. Лично мне будет не хватать его спокойного нрава, необычайного напряжения мысли, которое невольно передавалось собеседнику, доброжелательной улыбки и добрых слов, попадающих всегда на подготовленную почву в душе каждого человека. Он был и останется с нами как олицетворение человеческих достоинств, дефицит которых в наших рядах мы все острее ощущаем с каждым годом.

Светлая ему память.

Август 2010 г.

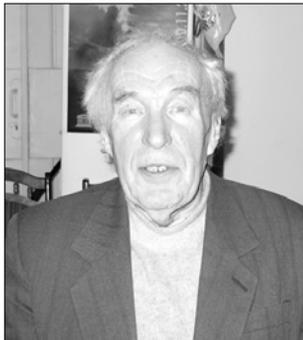
ПРИЛОЖЕНИЕ

Уважаемые коллеги! Владислав Жанович не очень любил фотографироваться, но мне он всегда делал исключение. Мне удалось запечатлеть разные эпизоды из его научной жизни, встречи с коллегами и публичные выступления. Далеко не все фотографии получились достаточно качественными. И все же я взял на себя смелость оставить их без изменений и ретуширования. Облик В.Ж. Келле не нуждается в приукрашивании. Его благородное, светлое и доброжелательное лицо навсегда останется в нашей памяти.

К сожалению, мне не удалось сохранить его фотографии 1990-х – начала 2000-х гг. Они были уничтожены вместе со всей базой данных во время поломки компьютера несколько лет назад. Все фотографии, охватывающие период с начала 2004 г. по декабрь 2009 г., я разделил условно на три тематические группы: В.Ж. Келле и его встречи в Институте философии РАН; В.Ж. Келле на заседаниях и семинарах редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество»; В.Ж. Келле как участник научных конференций, конгрессов и симпозиумов. Буду признателен, если Вы пополните наш архив и предоставите в распоряжение редакции журнала и семьи Келле собственные фотографии Владислава Жановича.

Ю.М. Резник

Из фотоархива. В Институте философии (2005 – 2009 гг.)

1 февраля 2005 г.

25 февраля 2005 г.

27 декабря 2007 г.

31 января 2008 г.

31 января 2008 г.

11 марта 2008 г.

18 сентября 2008 г.

18 сентября 2008 г. (на юбилее Б.Г. Юдина)

14 апреля 2009 г.

5 мая 2009 г. (последнее поздравление В.Ж. Келле с 9 мая)

ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ

Из фотоархива. На заседаниях и семинарах редколлегии журнала (2004 – 2009 гг)

15 декабря 2004 г.

2 марта 2005 г.

18 мая 2005 г.

18 мая 2005 г.

12 октября 2005 г.

21 декабря 2005 г.

20 сентября 2006 г.

25 декабря 2006 г.

25 апреля 2007 г.

12 марта 2008 г.

ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ

12 марта 2008 г.

22 декабря 2008 г. (на юбилее В.М. Межуева)

28 января 2009 г.

Из фотоархива. На научных конференциях и конгрессах (2004 – 2009 гг)

25 октября 2004 г. (ИФ РАН)

18 марта 2005 г. (ИФ РАН)

24 мая 2005 г. (Москва. МГУ им. Ломоносова. Философский конгресс)

21 ноября 2006 г. (ИФ РАН)

1 декабря 2006 г. (Москва. РАГС)

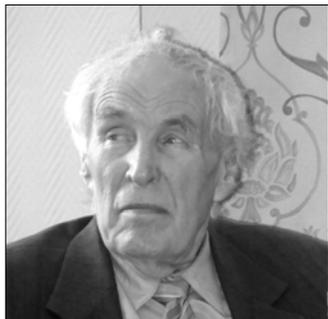
25 апреля 2008 г. (Симпозиум в Рязани)

26 апреля 2008 г. (Встречи на рязанской земле)

21 октября 2008 г. (Москва. Заседание Президиума РАН. Социологический конгресс)

6 октября 2009 г. (Фроловские чтения)

20 ноября 2009 г. (Юбилей журнала ЛКО)